

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

МОЛИТВЫ ХУДОЖНИКА

О творчестве Валентина Фёдоровича Папко

Одно из центральных зданий в исторической части Краснодара – Дом книги – украшает огромная мозаика “Я вызову любое из столетий”. Все, кто впервые бывает в городе, спешат увидеть её. Я помню, как, задрав голову, заморожённо рассматривала монументальное полотно, представляющее историю книгопечатания на Руси. Оно выполнено из цветной смальты, так блестяще передающей пластику линий, игру цветовых пятен. Художнику удалось запечатлеть пафос величайшего достижения – книгопечатания и, одновременно, показать уникальность книги, передающей информацию от сердца к сердцу. Ясность и спокойствие, крепость духа и в то же время особая лиричность и эмоциональность в центральной фигуре Мастера, бережно держащего книгу. И во всей работе, с чертами русского стиля, тяжёлым монументализмом византийства – вдохновенная поэтическая цельность! Буквально дух захватывает и от замысла художника, и от столь впечатляющей его реализации! Автор мозаики – живописец-монументалист Валентин Фёдорович Папко.

Судьба подарила мне возможность познакомиться с художником. Это случилось более двадцати лет назад на семейном празднике. И глядя на его чуть смущённую улыбку, открытый взгляд ясных голубых глаз собеседника, я всё же не могла до конца поверить, что он тот самый Валентин Папко, титулованный участник многих международных (Германия, Франция, Бельгия), республиканских, региональных выставок. С того памятного дня началось для меня открытие мира Валентина Папко, общение с человеком, наделённым великим даром отражать время, слышать чужую боль, переносить на холст красоту земли и “души изменчивой приметы”.

Работы Валентина Папко, я уверена, – один из ценнейших вкладов в культурную сокровищницу России. Родившись на кубанской земле, свой талант он посвятил родному краю, украшая и воспевая его, открывая малоизвестные страницы его истории, раздумывая о прошлом его и настоящем, прозревая будущее. Если сравнивать художника с композитором или писателем, пожалуй, созвучными его картинам я назвала бы “Курские песни” Георгия Свиридова, с их синтезом академического и фольклорного искусства, с их ярчайшей интонационной и тембровой палитрой, и “Русскую тетрадь” Валерия

МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО Светлана Николаевна родилась в станице Новопокровской на Кубани. Публиковалась в журналах “Наш современник”, “Дон”, “Кубань”. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Руководитель Кубанского регионального отделения СП России. Живёт в Краснодаре.

Гаврилина, воплотившего в хоровом музицировании образ северорусской крестьянки. И ещё я поставила бы созданное художником рядом с литературным наследием его тёзки Валентина Распутина, так много сказавшего в романах “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой”, “Дочь Ивана, мать Ивана” о русском характере и судьбе. По году рождения писатель и художник – ровесники. Валентин Папко родился в сентябре 1939-го в станице Новоминской Каневского района. Вскоре началась война. Памяти о пережитом хватило на всю оставшуюся жизнь. Тема Великой Отечественной – самая напряжённая доминанта в творчестве мастера. Видя созданное им, понимаешь: главной своей миссией на земле считает он свидетельство о виденном, рассказ о самой кровопролитной битве светлых и тёмных сил. Увековечить победителей, солдат, ветеранов, их матерей, жён, сестёр – вот главная задача его творчества.

Спасаясь от оккупантов, мать художника, Нина Ивановна, увезла малыша в зерносовхоз Тихорецкий. Картина “Земля и небо моей памяти” – свидетельство тех дней, когда на еле живых после зимовки бурёнках женщины прокладывали борозды, чтобы бросить в них последние хлебные зёрна. И никто не знал, доживёт ли до нового урожая. И никто не знал, сколько ещё будут лететь на восток эти чёрные, грозно рычащие в стылом небе немецкие самолёты. А дети, боязливо жмущиеся к материнским коленкам, думали, что так было всегда, ведь они не видели другой жизни.

После освобождения Кубани от фашистов семья Папко вернулась в Новоминскую, где Валентин впервые взял в руки карандаш. Художник вспоминает, как брат отца, танкист, привёз ему, пятилетнему мальчишке, толстую тетрадь, вроде какой-то амбарной книги. У матери оказались четыре цветных карандаша: красный, жёлтый, синий и коричневый – главные базовые цвета. И вот этими карандашами она нарисовала сынишке картинку – джунгли с ярким жёлтым солнышком и высокими зелёными деревьями. “И в комнате стало теплее, – вспоминает Валентин Фёдорович. – Я открывал картинку и не мог наглядеться на неё”. Потом были новые рисунки – Нина Ивановна, как могла, радовала ими сына. А вскоре и он сам потянулся к бумаге.

Подросткему мальчику карандаши и краски выписывали из Ростова, потому что в станице купить их было невозможно. В 1956 году семнадцатилетний Валентин уезжает в Краснодар, сдавать экзамены в художественное училище. От своего нового товарища – абитуриента Гриши Когана – за два дня до вступительных испытаний он узнает, что такое палитра, этюдник. Григорий взял его с собой на пленэр. И первый в жизни будущего художника этюд – это изображение Троицкой церкви, что неподалёку от Тургеневского моста в Краснодаре.

По результатам экзаменов и Григорий, и Валентин набрали 15,5 балла, до проходного им не хватило всего полбалла. На предложение остаться в училище на правах кандидата Валентин гордо отказался. А вот Гриша Коган согласился на кандидатство и через полгода был зачислен в списки студентов первого курса. Как будто знал, что на следующий год набора в училище не будет.

Валентину же пришлось подать документы в Пензенское художественное училище им. К. А. Савицкого, где он учился с 1957-го по 1959 год, а в 1960 году перевёлся в Краснодарское художественное училище и окончил его с отличием.

Своё образование Валентин Фёдорович завершил в Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшем Строгановском) на отделении монументальной живописи в мастерской народного художника СССР и действительного члена Академии художеств СССР Г. М. Коржева.

Мне не раз приходилось слышать, с каким глубочайшим уважением говорит Валентин Фёдорович о Гелии Михайловиче. Своему наставнику посвятил он недавнюю работу “У своих. Памяти Г. М. Коржева”, где, бережно прикрытый шинелью, спит мальчишка и его маленький дружок-щенок под надёжной охраной бывалого воина-пехотинца. Бой закончен, тлеют угли пожарища, и уже пробился на свет первый робкий подснежник – символ пробуждения жизни.

Думаю, не ошибусь, если назову знаменитого художника Г. М. Коржева своеобразным чутким и точным камертоном, по которому строит свою жизнь его талантливый выпускник Валентин Папко. И не только законы живописи, каноны “сурового стиля” продолжает, но и правила жизни учителя важны и близки ему. “Жизнь вне искусства, вне живописи для меня попросту утра-

чивает всякий смысл. А в творчестве я более всего дорожу свободой. Свобода – писать то, что я хочу и так, как чувствую и могу”, – под этими словами учителя, я уверена, поставил бы свою подпись и его ученик.

Я не ставлю задачу охватить творческий путь В. Папко в хронологической последовательности. Я лишь хочу рассказать о собственных наблюдениях. О том, что незабываемо живёт в моём сердце. Наверное, я не была бы сегодняшней без работ Валентина Фёдоровича.

И потому начну с полотна, которое очень многое рассказало мне об авторе и, самое главное, помогло разобраться в сложных, жизненно важных вопросах.

“За Родину” (1986) – на картине изображено поле жестокой битвы, бой в самом разгаре, зарево пожаров, небо закрыто клубами дыма. На переднем плане – падающий с взвизгивающего в прыжке белого коня сражённый пулей знаменосец, на втором – перехватывающий из его рук красное знамя казак-всадник с оголённой, будто звенящей от напряжения шашкой.

Как сделана эта работа! Сколько силы в летящем белом коне, как почти коснулось земли уже мёртвое тело знаменосца, как уверенно, точно, мощно перехватывает древко знамени, похожего на огромное, обращённое к небесам крыло, мгновенно оказавшийся рядом кубанский казак на лихом гнедом! Картина захватывает и, кажется, движется!

Искусствоведы делят творчество Валентина Фёдоровича на два периода: 70–80-е годы и конец девяностых – двухтысячные. Практически каждое живописное полотно последнего десятилетия имеет сюжет, сродни рассказу, повести, роману.

“Блудный сын” – размышление художника о конфликте города и деревни. Да, пожалуй, это – стержневая тема работы, но как много сказано о героях картины помимо неё! Раннее летнее утро ещё туманится лёгкой дымкой над гладью реки, камышами, уходящей за горизонт степью. Солнце взошло недавно, и народившийся день будто замер в своей утренней чистоте. Именно в эту минуту особенно трогает сердце красота родной земли. Вот почему не спится “блудному сыну” – городскому жителю, приехавшему, видимо, в отчий дом на побывку. Так наскучался он по родной станции, что ночлег они с женой устроили на чердаке сеновала, открытом в сторону реки. Герой картины сидит спиной зрителю, понурился. Уже немолодой, растерявший половину шевелюры, с выпирающими лопатками, словно поработавший и заметно износившийся коняга... А прямо на зрителя обращена женщина, почти нагое юное тело её идеально вылеплено, волосы разметались по подушке. Но рука, прикрывающая лицо, напряжена. Значит, в столь ранний час женщина не спит. Прислушивается, как вздыхает он, как, может быть, тербит травинку или ломает спичку. Жизнь движется стремительно, улетели молодые года, а что в остатке? Скорее всего, городская жизнь не складывается “рядком да ладком”. И стал он горожанином, бросив родню в станице ради городской дивы, уж больно молодая и ухоженная женщина рядом с ним. И вот смотрит теперь на речные дали, на стоящего на берегу, словно немой укор, старика-отца, обречённого на сиротскую старость... Картина, на первый взгляд напоённая утренним покоем, вся составлена из конфликтов – между городом и деревней, между сыном и отцом, между мужчиной и женщиной.

В противовес “Блудному сыну” целый цикл работ, которые я бы объединила общим названием “Тёплая земля” (одноимённое название у каталога, выпущенного к юбилейной выставке художника в 2005 году, и небольшого пейзажного полотна). Это и “Отставной капитан Марья Ивановна”, и “Поцелуй у калитки”, и “Кукует кукушка”, “С покоса. Большая луна”, “Сельская мадонна”, “Старая яблоня”, “Лето господне”. И пейзажи, на которых у В. Ф. Папко обязательно присутствует человек, – стожок сена, привязанная лодка, сельские хаты, еле различимые на степных увалах лошади и пастушки, и т. д. “Станичная любовь” – написана в 1983 году. Немолодая пара на фоне распаханной степи занимается будничной своей работой. Женщина на ветру просеивает семечки подсолнуха, а мужчина помогает, подгребаёт лопатой и наполняет вёдра. И вот эта почти идиллическая слаженность, уверенное стояние мужчины и женщины делают землю тёплой. Работа, которая, как сказал мудрец, и есть видимая часть любви, согревает пространство. И, конечно, любовь мужа и жены – верная, до последнего срока, каждую минуту готовы они дать ответ Богу, потому что живут ради друг друга, продолжая свой род и обе-

регая свою землю.

Те же открытые чувства в глазах героев на картинах “Иван да Марья” (2007) и “Снег выпал” (1996). И, кажется, слышишь счастливый женский смех, любясь румяными на морозе лицами. И уверенно знаешь теперь: есть в жизни счастье! Вот оно – простое, человеческое, которое не зависит от слова “успешность”. А ведь мы даже не заметили, как именно им подменено в наши дни то самое понятие счастья человеческого, напрямую связанного с душой. Нынче же, как убеждают нас СМИ, главное в жизни – именно успешность, благополучие и комфорт. Но принесут ли они счастье?..

“Перекры́сток. Звонят колокола” (2003) – это полотно никого не оставит равнодушным. Поток машин, закрывающих переход к православному храму красного кирпича, с огромной фреской Богородицы с младенцем Христом. Тормознув на светофоре, из окна иномарки смотрит на молодого инвалида дева явно не пуританского поведения. Мужчина-инвалид без ноги, на костылях стоит спиной к зрителю. Мы не видим его глаз, его лица. Как может отвечать он на явно провоцирующий своей усмешкой женский взгляд? По тому, как напряжены накачанные бугры мышц на плечах, жёстко-прямой спине, понятно, что герою не до смеха. Может быть, когда-то, до службы парня в горячей точке, – а ногу он потерял точно не в мирной жизни, – они были знакомы с девушкой. Он направляется в храм, она – на вызов. В зеркале видна ухмылка сутенёра... Да, девица улыбается, она в шикарном авто, но встретит ли она счастье на своём пути?

Как и девочка с полотна “Малолетка. На дорогах России” (2009). В правой половине картины, в полуоборот к зрителю, до пояса обнажённая фигура бритоголового дальнбойщика, лет сорока, массивного, уставшего от знойного дня, тело лоснится от пота и, кажется, кабина фуры за ним ещё дышит жаром. Упершись руками в бока, чуть опустив массивный подбородок, он цинично смотрит на малолетку, оценивая, и, видимо, соображая, стоит ли брать её в свою машину... .

В левой половине картины – огромное закатное солнце. В багровых подпалинах лежит равнина с голубой прожилкой реки, упирается в слоистое от облаков небо. На фоне раскалённого малинового шара стоит девочка в голубом коротком платьице, не зная, куда деть руки, не в силах поднять глаза на дядю-дальнбойщика, принимающего сейчас решение. Впереди ночь. Дорога пуста. Что будет с ней, когда так похожий на прожжённого зека “дядя” возьмёт её с собой? А если останется одна на ночной дороге в степи?..

Не могу не сказать о картине “Падение” (2006), где изображён бездомный художник, спящий прямо на асфальте после внушительной дозы спиртного, рядом с ним – его молодая жена с плачущим ребёнком. Ещё одно созвучное по теме полотно – “Бездомные. По России”: палуба баржи, на первом плане – чемоданы, баулы. Сгорбившись, полностью погружённые в нерадостные думы сидят старик и его жена, и даже малолетние внуки притихли, пригорюнились, почуствовалов, видно, настроение стариков. Реют, купаются в вольном ветре над водой белые чайки, плывёт вдаль панорама города с куполами церквей. Но слишком чётко видна надпись на открывшейся вдруг двери в кубрик “НЕ ВЫХОДИТЬ”, написанная красной краской... .

Конечно, перечисленные работы – это картины-обвинения, сродни тем, что писали передвижники, когда щемящая боль вложена в каждый холст и в каждый мазок! Глядя на них, кто-то, быть может, и скажет: “Ну, вот уж... ну, зачем же так...”

Да, среди роскошных пейзажей и натюрмортов, обычно в массе представленных на нынешних выставках, именно полотна Валентина Папко тревожат сердца, взывают к милосердию, рассказывают, обличают, вопиют и вопрошают.

В цикл, названный Валентином Фёдоровичем “Россия”, вошли полотна, написанные в 2011 году. Открывает его картина “Закрома 1933 года”, которая посвящена жертвам голодомора, она написана по воспоминаниям матери художника, семья которого выжила лишь благодаря мышиным норам в степи, где зверьки прятали зерно, – этот “хлеб” не смогли конфисковать власти.

Далее – целый ряд работ, посвящённых Великой Отечественной. “Шёл солдат”, где на берегу реки сушит портянки и сапоги рано поседевший победитель, с медалями и орденами на гимнастёрке, задумчиво глядит он на разгоревшийся костёр. “Саженьцы издалика” – по тронутой первой оттепелю

сельской дороге идёт солдат-инвалид на протезе, идёт, опираясь на палку, но играет улыбка на его добром лице! Ведь и в руках, и за спиной несёт он саженьцы, а из-за пазухи выглядывает крохотная белая собачонка. Сколько оптимизма в этой работе! И сколько трагизма в “Даже не снилось”, хотя, на первый взгляд, показана идиллическая картина семейной спальни: спящие молодые родители и младенец, но, возможно, это последняя минута в их жизни! Ведь небо в окне уже закрыто армадой фашистских бомбардировщиков. И виден силуэт старухи-матери, она стоит спиной к зрителю, обречённо опустив руки.

И “Спасительный свет”, где ждут машину будущие молодые родители, и “В райцентр. В роддом”, и “Вдовы” — из далёкой военной памяти художника.

Монументальные работы Валентина Папко несут в себе черты древнерусской иконы. Получая столь высокое классическое художественное образование, нельзя было не соприкасаться с сюжетами на библейские темы. Сам художник обратился к ним в двухтысячных. Одна из таких картин — “Слеза Иуды” (2008). Это эмоционально насыщенная и многослойная трактовка-прочтение хорошо известного сюжета, в которой важен каждый элемент. Иуда у Валентина Папко — почти седой старик, с лицом, изрезанным грубыми морщинами. Композиция картины сложная, зритель видит лишь тень распятого Спасителя, видит лестницу и мощные лодыжки стоящего на ней мучителя Христа. Вдали — народ, пришедший к месту казни. И прямо на зрителя, опустив голову и смахивая слезу, движется Иуда, глаза и лицо его чуть опущены, так что нельзя понять — маска это или действительно слезу раскаяния стирает он со щеки. По виду стоящего позади него стражника с копьём, по саркастически-лукавой улыбке его при виде плачущего становится ясно, как стражник оценил актёрские способности Иуды. Охранник хорошо знает, кто предал Христа, но сподвигнет ли его Господь узнать когда-нибудь, какова истинная цена мутной слезы Иуды, предавшего Спасителя?..

И в заключение, говоря о творчестве кубанского художника Валентина Фёдоровича Папко, могу утверждать, что во всех перечисленных мною работах есть главное, что их объединяет, то, что дано миру от начала его: центр Вселенной — человек. Господь сотворил мир и в последний день творения создал человека. И весь мир подчинил человеку. Вот эта мысль, что мир создан под человека и живёт в человеке, красной нитью проходит через творчество Валентина Фёдоровича. Через все его полотна, написанные и в молодые годы, и созданные сегодня и сейчас, проходит тема любви к людям, любви к ближнему своему. И это своё понимание Божественного устройства мира Валентин Папко утверждает всеми своими произведениями и убеждает в нём нас.

Вот что пишет сам художник в статье о современном искусстве “Вместо любви к человеку — концептуальное трюкачество”: “Искусство, которое выражает дух эпохи, — это и есть АВАНГАРД. Художник, который в своей жизни сделает одну хорошую работу, отмечен Божьей милостью. Но каждую картину следует делать, как долг, как молитву. Труд художника должен стать молитвой за своих сограждан, за бездомных, за брошенных малолеток, за забытых стариков, за героев Отчизны, за “братьев наших меньших”, за небо, за землю, за Россию, чтобы мы видели всегда поля, горы, леса”.

В минувшем году Валентин Фёдорович Папко, профессор, декан отделения монументальной живописи Краснодарского государственного университета культуры и искусств, отметил свой юбилей. За годы нашего знакомства я никогда не слышала ни нотки снобизма в его голосе. Он прост в общении, сдержан на эмоции, порой немногословен, и в то же время, если разговор касается горячей для него темы, — убедителен и категоричен в своих оценках! Он очень много работает в мастерской, где нет отопления. Но это, по мнению художника, не повод “мыть кисти”. И потому на юбилейной персональной выставке будет представлен целый ряд совсем новых его работ. Они без ложного пафоса и актёрства, как “Эх, дороги”, “Будем жить”, продолжают прямой разговор на самые трудные темы, а порой, как полотно “Разные судьбы”, они гремят набатом, взывая к ныне живущим от имени павших!

Крайне важно, чтобы не остались в стороне от затронутых художником тем наши дети. Не прошли мимо, стыдливо опустив глаза... И крайне важно нам всем быть участниками этого разговора!

Я желаю Валентину Фёдоровичу Папко долгих плодотворных лет жизни и крепкого здоровья ему и его близким!